

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«Собор» Олеся Гончара на русском языке

ОНА И РАДОСТНА, и печальна, эта встреча с романом Олеся Гончара. Радостна, потому что все-таки состоялась, а печальна, потому что вышел в издательстве «Известия». Такие вот казусы литературного процесса.

Для украинского читателя «Собор» — произведение второй половины шестидесятых годов, для всесоюзного — второй половины восьмидесятых. Он только что вышел в издательстве «Известия». Такие вот казусы литературного процесса. Кто-то тогда посчитал, что О. Гончар сгущает краски, бросает тень на наши достижения, кто-то узрел между строк огрехи по части атеизма, кто-то... И пошли поползли сомнения и кривотолки. А роман между тем продолжал жить в украинской словесности хотя и подспудной, но интенсивной жизнью. Почти не упоминаемый публично, он тем не менее оказывал воздействие и на писательское, и на читательское сознание, повышал гражданственный тонус прозы.

Ах, зря они старались, ретивые запретиители, понапрасну растратили свой обличительный пыл! Ибо нет в «Соборе» ни искомого ими очернительства, ни реверансов религиозной морали, ни отступления от наших атеистических принципов. Есть другое: боль художника, его тревога, его забота о духовном здоровье людей.

Конечно, перечитывая роман сегодня, ощущаешь дистанцию времени. Как-никак речь идет о начале шестидесятых годов. Их немало в тексте, примет тогдашней злобы дня. Что-то отшумело, что-то решено самим ходом жизни. И все же не устарели, не отошли в прошлое страсти, волновавшие героев. Больше того, теперь отчетливее понимаешь, как далеко смотрел писатель, как предвосхитил, предугадал он те коллизии и конфликты, которые будут крепнуть в литературе семидесятых — восьмидесятых годов.

Полифония «Собора» включает в себя философские и нравственные, исторические и экологические мотивы. Здесь все сопряжено, сопоставлено между собой: и миг и вечность, песчинка и космос, люди и природа. Прогорклый от заводского дыма, пожухлый стебелек молочая подает сигнал всеобщей опасности: «Что будет с нами? С людьми, с заводами, соборами?» Хлопья саж, замутившие воздух, тоже заставляют думать о глобальных проблемах цивилизации — сколько таких хлопьев оседает ежедневно на рабочую Зацеплянку и степные Вовчуги, покрывает крыши, травы, деревья: «Кто живет там, под боком у завода, тот белого снега не видит зимой... Белые не вывешивай, сразу черным станет».

Повествование О. Гончара пронизано и скреплено мечтой о гармонии. Гармония между прогрессом техническим и прогрессом духовным, между городом и

селом, между личностью и обществом. И нет в этой романтической мечте никакой идилличности, никакой благодушия. Напротив, она пробуждает энергию беспокойства, обостряет критическую зоркость.

От эпизода к эпизоду нарастает в «Соборе» ощущение «какой-то неуловимой тревожности мира, полигонности его». Ощущение, которое идет не только от призрака безумного ядерного апокалипсиса, но и от прочих напастей, сгустившихся над планетой. Ядовитые химические отходы, отравившие чистые воды рек, бурые шлейфы промышленных дымов, распластавшиеся по небосводу, коварные кислотные дожди, насквозь прожигающие зеленые листья, эрозия почв и не менее злобная эрозия человеческих душ.

Вероятно, для современного читателя эти горькие откровения уже привычны. Ведь на его памяти трагедия в Чернобыле, катастрофическое обмеление Аральского моря, многолетняя эпопея защиты Байкала и северных рек; на его памяти «Процание с Матерой» В. Распутина, «Колесом дороги» В. Козько, «Долг» А. Нурпеисова, «Дорога людей» А. Алимжанова и другие книги.

Само экологическое мышление нашей литературы сегодня стало иным. Более зрелым, более взыскательным. Но это сегодня, теперь... А тогда, двадцать лет назад, все еще звучали фанфары в честь переделки природы, еще слагались панегирики рукотворным морям и каналам, безудержному наступлению индустрии на колхозные луга и пашни. И Олесь Гончар был одним из тех, кто ломал инерцию восторженности, кто возвращал искусству реалистическую трезвость оценок.

Упаси бог, я вовсе не хочу поставить под сомнение светлую, искреннюю, лирически проникновенную «Поэму о море» А. Довженко. Ее герои жили ожиданиями, надеждами; прощаясь со своими садами и хатами, они верили, что принесут жертву во имя завтрашнего общего счастья. Для героев «Собора» то самое бескрайнее, поглотившее плодородные черноземы Каховское водохранилище уже не море мечты, а саднящая рана, болезненный укор: «Пол-Украины пустились на дно, сколько сел погоснали... Собрались море сделать, а сделали болото! Гниль цветет, на всю Украину смердит! Летчики носы затыкают, когда пролетают над ним...» И старый металлург Изот Лобода приходит не в восторг, а в ярость, узнав об очередной прожектерской затее — о предстоящем уничтожении такого запоевского уголка, как Скарбное, где после осушения плавней и вырубки дубовых рощ намечено создать овощеводческое хозяйство: «Неужели и на Скарбное посягнут? Если осушат — ничего ведь не будет! Туманов не будет! Слышите? Не будет туманов по утрам!!!»

Туманы как аргумент против деляческого утилитаризма, шелест камышей — против помидорных плантаций?.. Да, аргумент. И в художественной системе произведения неотразимый, непререкаемый. Ибо критерии истины у О. Гончара всегда слиты с красотой, с ее верховной властью. Ибо красота уникальна, бесценна, и ущерб причиненный ей, не может быть восполнен. Это ущерб не только окружающей среде, но и духовному достоянию человечества.

И неспроста опорной метафорой, многозначным символом романа становится образ собора.

По какой бы дороге ни возвращались герои Гончара к родному порогу, они неизменно видят перед собой устремленный в небо силуэт: «Сумели же так поставить! Сколько ни едешь, хоть до самых плавней, все он будет у тебя перед глазами. С любой точки виден собор, отовсюду!» И поэтическая тема собора, в свою очередь, организует повествовательное пространство, открывается с любой сюжетной точки, предстает в каждой главе новыми гранями и оттенками.

Собор как образец зодческого искусства, эстетической гармонии.

Собор как свидетель истории народа, как средоточие споров о культурном наследии.

Явившийся из легенды собор словно задает эпическую тональность произведения, представляет в нем от имени веков, укрупняет масштабы исследования. Его каменные своды помнят и фарисейские проповеди смирения, обращенные к неумиющим, и жаркие дебаты казацкого Нестора, профессора Яворницкого с анархистствующим, не признающим никаких законов атаманом Махно, и дерзкую атаку подпольщиков на фашистский обоз, и печальные процессы невольников, угоняемых в гитлеровское рабство.

Восстанавливая летопись событий, украинский художник держит равнение на правду истории, на драматическую сложность ее уроков. Нет, не забыла рабочая Зацеплянка те времена, когда собор утопал в роскоши, когда «тучные попы становились здесь еще тучнее». И как не понять гнев гольфыбы на тех, кто затуманивал головы чадом лампад, несбыточными обещаниями загробного рая?! Гнев, который обернулся не только против ханжей и святош, но, увы, и против самой святыни, надолго преданной остракизму, превращенной то в склад комбикорма, то в несостоявшийся музей, а то и вовсе в беспризорный, бесхозный объект.

Они во многом объяснимы, эти перегибы революционной эпохи: взрыв страстей, распрямление пружины социального недовольства, выплеск справедливых обид. Однако можно ли отождествить чувства тех голодных, бесправных, обездоленных, что митинговали «на майдане возле церкви», и нынешнюю суету разбитого Володьки Лободы и его прихлебателей, замахнувшихся уже сейчас, во второй половине нашего столетия, «на гордую поэму степного казацкого зодчества», одержимых манией заменить ее «образцовым крытым рынком» или — на худой конец — шашлычной? Там были ненависть к угнетателям, воодушевление, порыв к свету, здесь — тупое самодовольство, чиновничья слепота на прекрасное, убогий расчет потратить начальству. Там было мучительное становление новых идеалов, здесь — спекуляция на них.

Примечательно, что под одной обложкой с «Собором» напечатан и недавний роман О. Гончара «Твоя зоря». Соседство естественное, взаимовыгодное. Поставленные рядом, эти работы воспринимаются как своеобразная диалогия, как звенья

единого раздумья о предназначении человека. И сами собой возникают параллели между персонажами, между экологическими, духовными, нравственными ситуациями, между судьбой собора и судьбой изничтоженного демагогами, завистниками сада Романа-степняка. Емкая формула героя «Твоей зари» сельского учителя Андрея Галактионовича: «Один возводит храм Артемиды, а другой уже поглядывает на него взглядом Герострата» — словно бы выведена из «Собора», где все пронизано антитезами созидания и разрушения, добра и зла, любви и ненависти.

Извечное борение двух начал, творческого, прометеевского, и кощунственного, геростратова, окрашивает всю проблематику романа. Она многолика, изменчива в своих проявлениях, темная, мертвящая, глумливая стихия произвола и разрушения. От вандализма махновской волиницы до теперешних покушений на собор, на живописные плавни Скарбного, на чистоту небосвода, от подозрительности до разных форм потребительства и браконьерства. Сколько их еще, живущих одним днем, сиюминутной выгодой, оставляющих вокруг себя выжженное пространство! В природе, в культуре или в человеческих сердцах.

А сила созидания? Она тоже ведет свою родословную из глубин истории. Родословную, которая соединяет древних пахарей, поднявших «степные Гилеи», опсаные еще Геродотом, гениальных зодчих, воздвигнувших собор, неведомых умельцев, разгадавших секрет выплавки стали, с романтиками и рыцарями революции, с нынешними творцами, со всеми, кто делает мир добрее и краше.

Герои «Твоей зари» предпринимают паломничество аж за океан, в далекую Америку, ради встречи с похищенной гитлеровцами славянской или крестьянской Мадонной — удивительной картиной, запечатлевшей образ деревенской девушки Надьки, дочери оклеветанного, затравленного, зачисленного в кулаки Романа-степняка.

Герои «Собора» тоже совершают восхождение к чуду искусства. И тоже — каждый по-своему — преодолевают груз ошибок, иллюзий, вольных или невольных заблуждений.

Здесь, перед храмом, прозревает юный анархист Ягор Катратый, впервые усомнившийся в мудрости своего недолгого кумира батьки Махно и отказавшийся расстрелять строптивного профессора Яворницкого.

Здесь в разгар войны испытывает внезапное внутреннее потрясение прорвавшийся к Днепру командир артиллеристов. Еще недавно, какой-нибудь десяток лет назад, он мог бы со своими сверстниками, такими же убежденными безбожниками, крушить церковные стены, «попадись на пути Рублев — не попадись бы Рублева! Поверг бы и его с чувством правоты...» Но теперь словно что-то остановило его, продиктовало приказ оставить эти случайно уцелевшие посреди всеобщего разора и уже взятые на прицел голубые купола.

Да, красота хрупка, ранима, беззащитна, но она же и целительна. Она раскрепощает и возвышает человека, побуждает его к совершенству, к соизмерению смысла жизни с великим, вечным. Сама старинная архитектура как бы экзаменует Миколу Баглая, допытывается у него: «А сотворишь ли ты нечто равное этому, нечто лучшее?»

Все повествование О. Гончара построено на контрастах чувств, поступков, идеалов.

Как ни различны конфликты романа, они всегда оборачиваются спором о красоте. Именно красота выступает в творчестве украинского прозаика истинным критерием научного, технического, социального прогресса, тем естественным началом, которое призвано спасти людей от разобщения, измельчания, деградации.

Мир, изгнавший красоту, отринувший ее, обречен на оскудение и вырождение. Вспомним гнетущее зрелище стандартных бетонных коробок, бесконечную вереницу унылых, окутанных смогом промышленных поселений, протянувшихся вдоль американской автострады, по которой путешествуют герои «Твоей зари»: «Миллионы людей живут здесь, а впечатление абсолютной жуткой мертвенности». Такова неизбежная плата за фетишизацию техники, за однобокое, уродливое, отчужденное от человека индустриальное развитие. Вот и коллизии «Собора» несут в себе тревожное предостережение. От разлада с природой, с ценностями духовной культуры, с уроками истории.

Образ бессмертного казацкого храма олицетворяет здесь «духобжитости планеты, согласия, гармоничности бытия, дух, которому суждено объединить человечество, охватить все сущее на земле». Объединить не под знаменем религии, разумеется, а под знаменами гуманизма, красоты, созидания.

Конечно, жаль, что тяготеющий к щедрой символике и метафоричности, к интеллектуальной напряженности, к планетарности обобщений роман О. Гончара не всегда удерживается на заданной самим пафосом анализа философско-поэтической высоте. Есть в нем отмеченный некогда Л. Новиченко «описательный авторский пересказ психологических состояний» и черты некоторой иллюстративности в изображении характера Миколы Баглая. И тогда сбивается накал исповеди, возникают малосущественные подробности. Как знать, если бы роман создавался в наши дни, он мог бы, наверное, в чем-то стать иным. В чем-то, но не в главном. Ибо главное, оно актуально и поныне. Этот протест против исторического беспомощства, эти гневные инвективы разрушительной стихии, это осознание всеобщей связи людей и совместной их ответственности за приумножение добра. И борьба за собор в контексте произведения — это борьба за самого человека, за полноту и гармонию бытия. Отсюда призыв одного из героев: «Соборы душ своих берегите, друзья... Соборы душ!»

Пришедшая сегодня к всесоюзному читателю работа Олеся Гончара расширяет представление и о творчестве украинского прозаика, и о глобальных проблемах самой нашей действительности.

Л. ТЕРАКОПЯК